

УДК 330.834(73)
ББК 65.03(7США)

Я.С. Ядгаров
*доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ*

«КЕЙНСИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ЗЕРКАЛЕ НОВОГО КУРСА Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА

К выходу в свет в 1936 г. «Общей теории» Дж.М. Кейнса уже три года воплощался в жизнь антикризисный Новый курс Ф.Д. Рузвельта, способствовавший не только преодолению Великой депрессии, но и свершению «кейнсианской революции» в экономической науке. Непреходящее значение последней для судеб экономической науки и практики хозяйственной жизни рассматривается в статье в зеркале позитивных итогов рузвельтовских реформ. Особое внимание уделяется сущности введенного Дж.М. Кейнсом в научный оборот «основного психологического закона», из которого следует, что экономика не саморегулируема, что «эффективный спрос» задается не рынком, а обеспечивается инвестициями государства в инфраструктуру и реальный сектор хозяйства. Комментируются его суждения о неотвратимости феномена «мультипликатора инвестиций», понижении государством нормы ссудного процента, допущении инфляционных тенденций при повышении роли госбюджета в предоставлении займов, осуществлении госзакупок, организации общественных работ.

Ключевые слова: Новый курс Ф.Д. Рузвельта, «кейнсианская революция», классическая политическая экономия, «закон Сэя», ранний неоклассицизм, «основной психологический закон», «эффективный спрос», норма ссудного процента, «мультипликатор инвестиций», равновесие при неполной занятости.

Ya.S. Yadgarov
*D.Sc. in Economics, Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation*

KEYNESIAN REVOLUTION AS THE REFLECTION OF THE NEW DEAL OF F.D. ROOSEVELT

By 1936 when «The General Theory» of J.M. Keynes was issued anti-recessionary the New Deal of F.D. Roosevelt has been already three years implemented and provided not only overcoming

of the Great Depression, but also made the Keynesian Revolution in economics. Enduring value of the Revolution for the prospects of economic science and the practice of economic life is considered in article as the reflection of the Roosevelt's reforms positive results. The special attention is paid to the expression of the new economic term which was provided by J.M. Keynes — «the psychological law» which justified the absence of the economic self-regulation and the real «effective demand» is set not by the market but provided by government investments in production and infrastructure. The article deals with his arguments about inevitability of the investments multiplier phenomenon, lending rates decrease by the government efforts, an assumption of inflationary tendencies with increasing role of the state budget and providing loans, implementation of government purchasing policy, the organization of public works.

Key words: New Deal of F.D. Roosevelt, Keynesian Revolution, Classical Political Economy, Law of Say, early Neoclassicism, basic psychological law, effective demand, lending rate, investments multiplier, equilibrium at underemployment.

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — выдающийся английский ученый-экономист, своеобразное осмысление которым последствий самого длительного и тяжелого экономического кризиса 1929–1933 гг., отразилось в совершенно неординарных в тот период положениях изданной им в Лондоне в 1936 г. книги под названием «Общая теория занятости, процента и денег».

По оценкам многих экономистов, «Общая теория» Дж.М. Кейнса явилась поворотным пунктом в экономической науке XX в. и во многом определяет экономическую политику стран и в настоящее время. Ее главные и новые идеи, лежащие в основании общепризнанной ныне научным экономическим сообществом «кейнсианской революции» в экономической науке состоят, *во-первых, в том, что система рыночных экономических отношений отнюдь не является совершенной и саморегулируемой. И, во-вторых, что максимально возможную занятость и экономический рост может обеспечить только активное (как например, в рамках Нового курса Ф.Д. Рузвельта) вмешательство государства в экономику.*

Расценивая «кейнсианскую революцию» видный историк экономической науки М. Блауг, полагает, в частности, так:

«Если в теории Кейнса и содержится что-либо поистине новое, так это именно продуманная критика этой веры во внутренние восстановительные силы рыночного механизма. Прочитав Кейнса, можно отрицать каждый отдельный элемент его аргументации, можно подвергать сомнению даже логическую состоятельность всей кейнсианской схемы, но невозможно сохранить веру в способность свободной рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость... В любом случае кейнсианская революция ознаменовала подлинный конец “доктрины *laissez faire*”» [1, с. 607].

Правомерность размышлений М. Блауга подтверждается отчасти и в связи с тем, как в отечественной историко-экономической литературе, говоря его словами, «интерпретируют» и «переинтерпретируют» взаимосвязь сущностных аспектов и последствий реализации «кейнсианской революции» и Нового курса Ф.Д. Рузвельта. Это обстоятельство примечательно по той причине, что, с одной стороны, авторами ряда работ данной направленности признается неоспоримое новаторство кейнсианских идей и теорий, свидетельствующих о свершении «кейнсианской революции» в экономической науке. Но, с другой стороны, подавляющее их большинство руководствуется априорным утверждением о том, что именно кейнсианское учение явилось теоретическим подспорьем того самого начавшегося в 1933 г. рузвельтовского Нового курса, который позволил преодолеть основные тяготы и разрушительные последствия Великой депрессии 1929–1933 гг.

Например, Т.Н. Неровня в своей книге «История экономики в вопросах и ответах» (1999) высказывает убеждение, что «теоретической основой “Нового курса” стало учение английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса...» [7, с. 162]. Говорится также о том, что непосредственно Дж.М. Кейнс предвосхитил еще и рузвельтовские реформы. В этой связи автор, в частности, пишет: «Кейнс и его последователи признавали необходимым участие государства в регулировании хозяйственной жизни. Исходя из этого, основным средством проведения реформ Рузвельта стало активное вмешательство государства в процесс общественного воспроизводства» [7, с. 162].

Похожее суждение имеет также место в работе М.В. Конотопова и С.И. Сметанина под названием «Из тупика: экономический опыт мира и путь России» (2000). В ней отмечается, что мировой экономической кризис 1929–1933 гг. побудил экономистов к поиску новых теорий, рецептов спасения и перестройки хозяйства» и что наиболее важной явилась «теория английского экономиста Дж.М. Кейнса», послужившая «теоретической основой» процесса регулирования хозяйственного развития. Опираясь на последнюю, полагают авторы, «новый президент США Франклин Д. Рузвельт провозгласил систему мер оздоровления экономики — так называемый “новый курс”» [4, с. 103].

Между тем ко времени выхода в свет «Общей теории» Дж.М. Кейнса шел уже, по меньшей мере, четвертый год практического воплощения в жизнь рузвельтовского антикризисного Нового курса. Поэтому, не ставя под сомнение тот факт, что этот курс действительно способствовал преодолению основных тягот и последствий Великой депрессии, представляется необходимым сформулировать нижеследующий, с нашей точки зрения, принципиально важный тезис. Его суть, думается, можно изложить так: постулирование первичности теоретико-методологических идей «кейнсианской революции» в экономической науке и вторичности по отношению к ней успешного реформаторского Нового курса Ф.Д. Рузвельта совершенно нелогично и неправомерно.

О мифе, возникшем в связи с «кейнсианской революцией», но с учетом несколько иных обстоятельств, высказывается также М. Блауг. Логика его суждений на данный счет такова: «В наши дни, — пишет он, — трудно оценить эффект разорвавшейся бомбы, произведенной “Общей теорией”. Последовавшие за ее выходом годы возник миф, что именно радикальные взгляды Кейнса на экономическую политику были ответственны за разрыв с ортодоксией. Согласно этому мифу, все экономисты и правительства оказались беспомощными перед лицом краха 1929 г., защищая сбалансированные бюджеты и урезая денежные заработные платы или позволяя событиям идти самим по себе; только Кейнс предложил эффективное и реалистичное средство против Великой депрессии» [2, с. 122].

Не соглашаясь с этими порождающими миф доводами о месте и роли «кейнсианской революции» в контексте с Новым курсом Ф.Д. Рузвельта, М. Блауг приводит следующие контрдоводы [2, с. 122–123]:

1) взгляд на «Общую теорию» показывает, что это сугубо теоретическая книга, и в ней не более 25 страниц посвящено практическому применению рассуждений: это книга ... не о разногласиях в том, что следует делать с этой экономикой;

2) многие ортодоксальные экономисты за много лет до Кейнса защищали общественные работы, денежную экспансию и антициклические бюджетные дефициты как средства борьбы с безработицей;

3) равновесие для экономики как единого целого теперь подразумевает «равновесие при неполной занятости», и введение этого на первый взгляд противоречивого понятия означало глубокое изменение позиции современных экономистов, которые всегда были уверены в том, что конкурентные силы в конечном итоге автоматически двигают экономику в направлении устойчивого состояния полной занятости.

Итак, не «кейнсианская революция» послужила первопричиной и теоретико-методологическим подспорьем Нового курса Ф.Д. Рузвельта, а скорее успех рузвельтовских реформ послужил одной из предпосылок «кейнсианской революции» в экономической науке. Впрочем, свершение последней в значительной мере обусловили, конечно же, новаторские начала в самой «Общей теории» Дж.М. Кейнса. Одним из их проявлений стало, в частности, то, что он придерживался собственной, «революционной» по тем временам методологии исследования. Опираясь на нее, он в отличие от своих предшественников и наперекор господствовавшим экономическим воззрениям *утверждал о необходимости недопущения с помощью государства урезания заработной платы как основного условия ликвидации безработицы, а также о том, что потребление ввиду психологически обусловленной склонности человека к сбережению, растет гораздо медленнее доходов.* При этом ключевыми методологическими нововведениями «кейнсианской революции» явились, по меньшей мере, два концептуальных положения. Во-первых,

предпочтение в исследовательских целях макроэкономического анализа микроэкономическому подходу, и, во-вторых, обоснование (исходя из некоего «основного психологического закона») концепции о так называемом «эффективном спросе», то есть потенциально возможном и стимулируемом государством спросе¹.

Суть «основного психологического закона», сформулированная Дж.М. Кейнсом, сведена им к следующему тезису: «*Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растет доход*» [5, с. 155]. И в этом определении его недвусмысленная теоретико-методологическая позиция, в соответствии с которой для выявления причин неполной занятости и неполной реализации, неравновесности экономики, а также для обоснования методов ее внешнего (государственного) регулирования «психология общества» имеет не меньшее значение, чем «законы экономики».

В контексте данного «закона» на страницах «Общей теории» обращает на себя внимание ряд комментариев. Один из них сводится к следующему суждению: «Если только психологические склонности участников экономического процесса действительно оказываются примерно такими, какими мы их здесь предполагали, то можно считать, что существует закон, согласно которому расширение занятости, непосредственно связанное с инвестициями, неизбежно должно оказать стимулирующее влияние на те отрасли, которые производят потребительские блага, и, таким образом, повести к увеличению совокупной занятости, причем такое увеличение превосходит прирост первичной занятости, непосредственно связанной с дополнительными инвестициями» [5, с. 229]. Согласно другому комментарию речь идет о том, что «воспитание... государственных деятелей на принципах классической политической экономии» не позволяет им «выбрать какой-либо лучший путь», стимулирующий увеличение богатства, кроме как надежда на «сооружение пирамид, землетрясения, даже войны» [5, с. 239].

¹ О последней Б. Селигмен пишет так: «Кейнс пришел к мысли о том, что первичной в достижении равновесия является эффективный спрос» [8, с. 495].

Далее следует заметить, что по Кейнсу, *психологическая склонность человека сберегать определенную часть дохода* сдерживает увеличение дохода из-за сокращения объема капиталовложений, от которых зависит перманентное получение доходов. Видимо не случайно спустя несколько десятилетий, разделяя идеи Дж.М. Кейнса о «склонности людей к сбережению», Дж.К. Гэлбрейт писал: «Эти доходы должны быть инвестированы и, таким образом, истрачены (или компенсированы затратами кого-либо еще). В противном случае покупательная способность будет снижаться. Товары будут оставаться на полках, объем заказов уменьшится, объем производства упадет, безработица увеличится. В результате произойдет спад» [3, с. 489].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в методологии исследования Дж.М. Кейнса учитывается немаловажное влияние на экономический рост и неэкономических факторов, как-то: государство (стимулирующее потребительский спрос на средства производства и новые инвестиции) и психология людей (предопределяющая степень осознанных взаимоотношений хозяйствующих субъектов).

В продолжение необходимо указать еще и на то обстоятельство (и это признавал сам автор «Общей теории»), что возникновению его теоретико-методологических новаций в экономической науке способствовали не только антикризисные реформы в рамках Нового курса Ф.Д. Рузвельта, но и некогда имевший место меркантилистский практический опыт государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. В этом смысле его общие с меркантилистами суждения очевидны и заключаются:

– в стремлении увеличения массы денег в стране (как средство их удешевления и соответственно снижения ставок ссудного процента и поощрения инвестиций в производство);

– в одобрении роста цен (как способ, стимулирующий расширение торговли и производства);

– в признании того, что недостаток денег служит причиной безработицы;

– в понимании национального (государственного) характера экономической политики.

Вместе с тем именно теоретико-методологический прорыв в экономической науке, способствовавший существенному преодолению ортодоксии времен классической политической экономии и раннего неоклассицизма, которая базировалась на постулатах так называемого «закона Сэя», позволяет утверждать о свершении «кейнсианской революции». Неприятие Дж.М. Кейнсом ортодоксии отчетливо прослеживаются на страницах «Общей теории» в размышлениях о нецелесообразности чрезмерной бережливости и накопительства. Очевидны они и в его убежденности в возможной пользе всемерного расходования средств, поскольку, как полагал ученый, в первом случае средства, скорее всего, приобретут *неэффективную ликвидную (денежную) форму*, а во втором — могут быть направлены на увеличение спроса и занятости. Кстати, по поводу этой кейнсианской сентенции В.В. Леонтьев высказался так: «Оглядываясь на кейнсианскую революцию с ее парадоксальной пропагандой идеи тратить для того, чтобы было что тратить, и с вытекающей из нее боязнью быстрого роста производительности труда, надо признать, что это скорее было затянувшееся отклонение от правил, чем коренное изменение общей ориентации западной экономики» [6, с. 221].

Нельзя также не отметить в связи с этим и неприятие им посредством резкой и аргументированной критики тех экономистов, которые (он называл их представителями «классической школы») были привержены догматическим постулатам «закона рынков» Ж.Б. Сэя и другим сугубо «экономическим» законам. Дж.М. Кейнс по этому поводу, в частности, писал: «Со времен Сэя и Рикардо экономисты-классики учили: предложение само порождает спрос... что вся стоимость продукции должна быть израсходована прямо или косвенно на покупку продуктов» [5, с. 149]. Кроме того, на основании подтверждающих данный тезис выдержек из «Основ политической экономии» Дж.С. Милля и «Чистой теории национальных стоимостей» А. Маршалла Дж.М. Кейнс заключает, что у классиков и их преемников «теория производства и занятости может быть построена (как у Милля) на основе натурального обмена; деньги же никакой самостоятельной роли в экономической жизни не играют» [5, с. 150],

поэтому «закон Сэя... равносильно предположению, что не существует препятствий к достижению полной занятости» [5, с. 155].

Еще одним аспектом «кейнсианской революции», позиционируемым через призму теоретико-методологического прорыва в экономической науке, является специфичная разгадка Дж.М. Кейнсом механизма «эффекта мультипликатора» и обоснование собственной концепции мультипликатора инвестиций. Данный коэффициент, по Кейнсу, характеризует положение о том, что *«когда, происходит прирост общей суммы инвестиций, то доход увеличивается на сумму, которая в K раз превосходит прирост инвестиций»* [5, с. 226–227]. Причина такого положения, подчеркивает он, заключается в постоянно упоминаемом им же *«психологическом законе»*, в силу которого *«по мере того, как реальный доход возрастает, общество желает потреблять постоянно уменьшающуюся его часть»* [5, с. 231].

Далее Дж.М. Кейнс приходит к выводу о том, что «принцип мультипликатора позволяет дать общий ответ на вопрос о том, каким образом колебания инвестиций, составляющих относительно небольшую долю национального дохода, способны вызывать такие колебания совокупной занятости и дохода, которые характеризуются гораздо большей амплитудой» [5, с. 233]. Но, по его убеждению, «хотя в бедном обществе размеры мультипликатора сравнительно велики, влияние колебаний в размерах инвестиций на занятость окажется много сильнее в богатом обществе, так как можно предположить, что именно в последнем текущие инвестиции составляют гораздо большую долю текущей продукции» [5, с. 233]. Добавим к этому, что, в сущности, содержательный аспект эффекта мультипликатора действительно достаточно понятен, особенно если принять во внимание красноречивое высказывание об этом М. Блауга, а именно: «Капиталисты, учил нас Кейнс, могут вытащить себя из затруднительного положения с помощью шнурков от собственных ботинок, а именно через мультипликатор. Решающим моментом при этом является побуждение инвестировать» [1, с. 235].

Наконец, одним из важных для судеб экономической науки выводов, вытекающих из «Общей теории», следует признать кейнсианский вывод о возможности обеспечить (посредством

регулирования государством экономических процессов) такое макроэкономическое равновесие, которое подразумевает «равновесие при неполной занятости». Эффективность подобного рода регулирования, на взгляд Дж.М. Кейнса, зависит от *изыскания средств под государственные инвестиции, достижения полной занятости населения, снижения и фиксирования нормы процента*. Он писал: «Рикардо и его преемники просмотрели тот факт, что даже в долгосрочном периоде занятость не обязательно стремится к уровню полной занятости, что уровень занятости может изменяться и что каждой отдельной банковской политике соответствует отличающийся от других уровень занятости. Таким образом, существует много состояний долгосрочного равновесия, соответствующих различным мыслимым вариантам процентной политики органа, регулирующего денежную систему» [5, с. 285].

Как полагал Дж.М. Кейнс, *государственные инвестиции в случае их нехватки должны гарантироваться выпуском дополнительных денег, а возможный дефицит бюджета будет предотвращаться возрастанием занятости и падением нормы процента*. Иначе говоря, по концепции Дж.М. Кейнса, чем ниже норма ссудного процента, тем выше стимулы к инвестициям, к росту уровня инвестиционного спроса, что, в свою очередь, расширяет границы занятости, ведет к преодолению безработицы. В этой связи М. Блауг дает, в частности, следующее весьма четкое разъяснение: «Для Кейнса полная занятость зависит от правильного соотношения процентной ставки и заработной платы и может быть достигнута скорее путем понижения первой, чем сокращения второй. Фундаментальная причина безработицы у Кейнса состоит в том, что ставка процента в долгосрочной перспективе остается слишком высокой...» [1, с. 621].

Таким образом, принимая во внимание позитивные итоги реализации Нового курса Ф.Д. Рузвельта и их влияние на дальнейшее развитие хозяйственной жизни и свершение в экономической науке «кейнсианской революции», представляется резонным заключить следующее.

1. Все еще встречающееся в экономической литературе постулирование первичности теоретико-методологических идей

«кейнсианской революции» и вторичности по отношению к ней успешного реформаторского Нового курса Ф.Д. Рузвельта совершенно нелогично и неправомерно.

2. «Кейнсианская революция» в контексте Нового курса Ф.Д. Рузвельта представляет собой тесно связанный с ним теоретико-методологический прорыв в экономической науке, способствовавший существенному преодолению ортодоксии времен классической политической экономии и раннего неоклассицизма, которая базировалась на постулатах так называемого «закона Сэя».

3. «Кейнсианскую революцию» следует рассматривать как феномен зеркального отображения в ней доказательных аспектов Нового курса Ф.Д. Рузвельта, успешное практическое воплощение которого позволило убедить современных экономистов в ортодоксальном характере идей всех приверженцев «закона Сэя» о способности конкурентных сил достигать автоматическое равновесие экономики.

4. «Кейнсианская революция» в зеркале Нового курса Ф.Д. Рузвельта явилась научно обоснованным подтверждением правомерности вектора рузвельтовских реформаторских преобразований, призванных обеспечить такое макроэкономическое равновесие, которое подразумевает «равновесие при неполной занятости».

Список использованной литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг; пер. с англ. — М. : Дело Лтд, 1994. — 688 с.

2. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса / М. Блауг; пер. с англ. — СПб. : Экономическая школа, 2005. — 352 с.

3. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт // Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. — М. : Эксмо, 2008. — С. 345–610.

4. Конотопов М. В. Из тупика: экономический опыт мира и путь России / М. В. Конотопов, С. И. Сметанин. — М. : Академический проект, 2000. — 384 с.

5. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // Антология экономической классики : в 2 т. / сост. и авт. предисл. И. А. Столяров. — М. : Эконов, 1993. — Т. 2. — С. 137–432.

6. Леонтьев В. В. Спад и подъем советской экономической науки / В. В. Леонтьев // Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика ; пер. с англ. — М. : Политиздат, 1990. — С. 215–230.

7. Неровня Т. Н. История экономики в вопросах и ответах / Т. Н. Неровня. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — 416 с.

8. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен. — М. : Прогресс, 1968. — 600 с.

Информация об авторе

Ядгаров Яков Семенович — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической истории и истории экономических учений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: yakovyadgarov@mail.ru.

Author

Yadgarov Yakov Semenovich — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Economic History and History of Economic Thought, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, e-mail: yakovyadgarov@mail.ru.